

Оливия Вулф
Возвращение на Седьмой Холм

Остров

12+

Оливия Вульф

Возвращение на Седьмой Холм. Остров

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51706583

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-94529-6

Аннотация

Эта книга для мечтателей маленьких и не очень. Для тех, кто верит в чудо, кто готов плакать и смеяться с ее героями. Живите сказкой, живите в сказке. Пишите золотыми чернилами на сердце счастливые моменты своей жизни и возвращайтесь к ним снова и снова. Дышите полной грудью – свежий бриз будет переворачивать вам страницы. Я дарю вам волшебство и чудесные приключения.

Наше счастье так легко брать с собой, но так же легко потерять среди жизненных поворотов. В этой истории каждый найдет частичку детского счастья и беззаботности, которые напомнят ему о Доме и пусть у каждого в жизни будет свой Седьмой Холм, где его всегда ждут. Всем бабушкам на свете посвящается. Читайте внукам сказки на ночь, и они вырастут счастливыми людьми.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	28
Глава 4	32
Глава 5	51
Глава 6	56
Глава 7	64
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Оливия Вульф

Возвращение на Седьмой Холм. Остров

Глава 1

Ночные неожиданности

В графстве Семи Холмов, на высоком песчаном берегу прекрасного изумрудного моря, в небольшом домике, пристроенном к маяку, творился переполох. Мария, жена хранителя маяка Питера, готовилась разрешиться от бремени, гораздо раньше положенного срока. Родители не ожидали столь раннего появления малыша на свет и заранее не предупредили повитуху. Отправляться за ней было уже поздно, да и небезопасно. Ближайший городок Лайлак Хилл находился в часе езды от маяка, и погода совсем не располагала к дальним поездкам.

Стемнело в этот день рано, небо было затянуто низкими, грозowymi тучами и лишь иногда освещалось светом молний. Лил проливной дождь, а шум волн, заглушали раскаты грома.

Такая погода очень пугала Пудинга, коня Питера и Мэри.

Не стоило даже пытаться его запрягать, такое путешествие могло оказаться слишком опасным предприятием для седока. Конь сильно боялся грозы, после вспышки молнии вздрагивал и прислушивался, ожидая очередного раската грома. Его беспокойное ржание и топот были слышны в доме. Да и Питеру нельзя было отлучаться с маяка в темное время суток.

В спальне на втором этаже вместе с Мэри, находилась мама Питера, миссис Энн, которая, на их счастье, приехала погостить у сына. Питер, надо сказать, нервничал ничуть не меньше Пудинга и метался от маяка к дому, не зная, за что хвататься.

– Питер, набери, пожалуйста, побольше воды и поставь ее на огонь. Да, еще достань из комода две простыни и два полотенца, прогладь их раскаленным утюгом и принеси мне вместе с тазиком теплой воды, – крикнула из спальни сверху миссис Энн.

– Сейчас, я быстро, – ответил нервно Питер, выбегая из дома с ведром и стараясь не забыть то, что просила мать. Плащ он не надел и весь моментально промок, но совсем не обратил на это внимание.

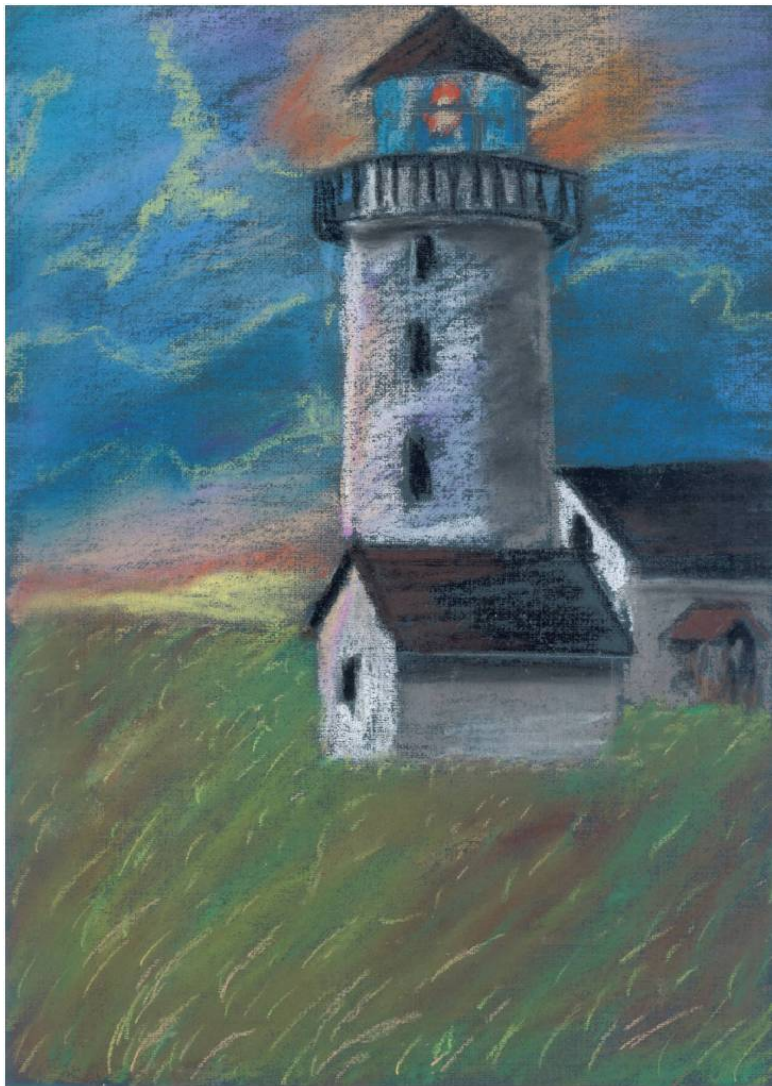
Почти бегом, стараясь не расплескать воду, он вернулся обратно. Нашел на кухне самую большую кастрюлю, налил в нее воды, раздул огонь, в печи под плитой и накрыл посудину крышкой. Остановился на пару секунд. Ему казалось, если он остановиться, то мысли в его голове прекратят безум-

ный бег. На несколько секунд ему удалось усмирить этот поток. Но через пару мгновений всё началось снова: «Комод, полотенца, простыни», – мелькало в голове и тело снова начало подчиняться беспокойному уму. Он по очереди открыл и закрыл все ящики комода.

«Боже милостивый, какие из них нужны маме? – подумал Питер и выбрал две белые хрустящие, простыни из среднего ящика и пушистые полотенца из верхнего. – Зачем их гладить?»

Спорить с матерью он не привык.

«Утюг, утюг, где его искать?» – проносилось в голове. Он заметался по комнате, остановился, задумался и вернулся в кухню. В ящике рядом с плитой нашел утюг, поставил его на огонь, чтобы разогреть. Подождал. Минуты казались вечностью. Утюг наконец-то стал горячим, и мужчина, прогладив простыни и полотенца, как велела мать, сложил их на краешке стола. Горячую воду налил в большую миску, положил простыни и полотенца себе на плечо и, придерживая их ухом, пошел наверх, стараясь не расплескать воду.

«Постучать или можно просто зайти?» – остановился Питер в нерешительности. Он чувствовал себя сейчас немного лишним. Открыть дверь у него не получилось, миска в руках опасно наклонилась, и он потихоньку постучал по двери мыском ботинка.

Миссис Энн приоткрыла дверь:

– Спасибо, милый, все хорошо, не переживай, – сказала она, забирая у сына простыни с полотенцами и воду. – Отправляйся на маяк, просто заглядывай каждый час домой, я скажу, если что-нибудь будет нужно! – и закрыла перед растерянным Питером дверь.

«Маяк!» – у Питера совсем вылетела из головы работа. Хорошо, что он сегодня пораньше зажег лампу. Спустившись вниз, накинул плащ и вышел под дождь. Прохлада успокаивала его разгоряченную голову и подставив под капли лицо, он закрыл глаза и постоял так немного, чтобы снова овладеть собой. Поднявшись в комнату хранителя, мужчина окончательно пришел в себя. Здесь была привычная обстановка, и за работой тревожные мысли улетучились из головы.

Подлив масла в лампу, поднялся под колпак маяка и с усердием начал натирать отражатели.

Восточный ветер свирепствовал. Казалось, что он пытается сорвать с маяка крышу и загасить огонь. «Меня грозой не напугаешь, как Пудинга, – подумал Питер. Мелькнула успо-

каивающая мысль: – Хорошо, что успел смастерить кровать для малыша».

Так, в заботах, прошло несколько часов. Питер три раза спускался домой, спрашивал у матери, нужно ли им что-нибудь. Та отвечала, что нет, и он возвращался на маяк. Ожидание, что может быть мучительней, только неизвестность, которая добавлялась сейчас к нему. Около трех часов ночи мужчина вновь спустился вниз. Повесив плащ на вешалку прислушался. Среди голосов Мэри и Энн появился тоненький писк.

– Хвала господу, еще немного и я бы сошел с ума, – в сердцах воскликнул Питер и бросился к спальне. Остановился, не решаясь зайти, и тут дверь распахнулась. Миссис Энн передала ему на руки маленький сверток, сказала: – Девочка! – и дверь перед носом Питера захлопнулась.

Вид у миссис Энн был очень озабоченный.

– Да, что же это? – мужчина заволновался еще больше, но в такой ситуации не решился задавать лишних вопросов. Развернулся и пошел вниз.

В полной растерянности опустившись в кресло-качалку, рядом с камином, он вдруг осознал, что у него на руках его маленькая дочь. Питер уставился на сверток и медленно отогнул верхний краешек пеленки. Внутри была крохотная девочка, она кривила личико и вот-вот готова была заплакать.

– Нет, только не это, тише, тише малышка!

Питер сильнее прижал дитя к себе и стал раскачиваться

в кресле. Это было единственное, что он знал о младенцах – что их нужно качать. Неумело сложив руки лодочкой, выставив локти вперед, он снова и снова раскачивал кресло, пока спина не затекла. Девочка перестала морщиться и открыла глазки, захлопав черными пушистыми ресничками и он, наконец расслабившись, улыбнулся.

Это были новые ощущения, он очень любил Мэри, но маленький ангел у него на руках сделал с ним что-то невозможное. Безграничное счастье затопило сердце Питера. «Только бы с Мэри было все хорошо», – подумал он.

Питер наслаждался новыми чувствами. Тепло огня в камине приятно согревало. Придерживая одной рукой дочь, он подбросил дров в камин. Стон Мэри и писк младенца вывели его из состояния блаженства. Встрепенувшись, он посмотрел на малышку, но та крепко спала, и тут, как молния, его озарила мысль, что звуки идут со второго этажа. Питер вскочил вместе с ребенком на руках и бросился наверх. Уже без всяких церемоний распахнул дверь спальни и опешил. Перед ним на кровати лежала счастливая, но очень уставшая жена, а на ее груди, о Боже – точно такой же маленький сверток, как и у него на руках. Девочек было две.

Миссис Энн улыбнулась, обняла Питера и сказала:
– Вот такой сюрприз! Теперь нужно придумывать второе имя.

Мэри по очереди приложила девочек к груди, и они мирно уснули носик к носику рядом с ней на кровати.

– Им нужны кровати, Питер, – растерянно посмотрела на мужа Мэри.

Питер довольно улыбнулся. Ну, хоть здесь он оказался на высоте. Он не мог предусмотреть, что детишек будет двое, но одна отличная кровать у него точно была готова. Потихоньку от жены мастерил колыбельку внизу на маяке, а та постоянно гадала, где это муж пропадает. С тех пор как последняя планочка была вставлена, не мог дожидаться момента, чтобы показать ее Мэри, но сдерживался. Нужно было еще заказать матрасик, а уж потом...

Теперь торжественный момент настал, и он, кряхтя от тяжести и ударяясь об углы, занес в спальню новенькую колыбель, покрашенную белой краской и застеленную мягкими пеленками и пуховым одеяльцем.

– Питер, когда же ты успел? Вот заговорщики. я даже не заметила, как ты привез ее! – воскликнула Мэри, улыбаясь.

– А я и не привозил, я смастерил ее сам! – гордо ответил мужчина.

– Питер! – с любовью посмотрела на него жена.

– Такая красивая! – сложив на груди руки, сказала миссис Энн.

Питер и Энн переложили девочек в колыбель и укрыли мягким, пушистым одеяльцем. Кровать была поистине королевской, большая, широкая, с планочкой для балдахина, на которую Питер подвесил яркую погремушку. Судя по размеру живота Мэри, должен был родиться богатырь, а оказа-

лось, что там две крохотные малышки. Девочки отлично поместились в колыбели и продолжали мирно сопеть.

Питер подошел к Мэри, крепко прижал ее к себе и, поцеловав в макушку, сказал: – Я так тебя люблю и как хорошо, что все закончилось, я никогда в жизни так не переживал.

Все очень устали. Энн приглушила свет лампы, и они с сыном потихоньку вышли из комнаты.

Питер снова поднялся на маяк, проверил фитиль, подлил еще масла в лампу, в последний раз протер отражатели и спустился к матери. Миссис Энн заваривала чай.

– Прошло всего несколько часов, а мне показалось, что не меньше недели. Как же теперь изменится наша жизнь! – сказал Питер.

– Забот, конечно, прибавится, но радости и счастья теперь тоже будет вдвойне, – ответила мама, улыбнулась и потрепала сына по волосам.

Они поставили на поднос чайник, чашки, корзиночку с творожным печеньем, которое сегодня утром испекла Мэри, и вышли на террасу. Тучи рассеялись, небо очистилось, с моря дул приятный легкий бриз. Если бы не шум волн, бьющих о скалу прямо под маяком, то ничего бы уже не напоминало про грозу, разыгравшуюся накануне. Мать разлила по чашкам крепкий, ароматный чай, и они с наслаждением прихлебывали его вприкуску с печеньем.

Тут миссис Энн, прищурившись и указав рукой на пред-рассветное небо, спросила:

– Дорогой, ты не знаешь, что это за две звезды? Я раньше не видела их.

Питер посмотрел в ту сторону, куда показывала миссис Энн:

– Я тоже их никогда не замечал.

– Не иначе, в честь рождения малышей зажглись две новые звездочки. Прекрасное будущее ждет наших девочек! – сказала миссис Энн, задумчиво улыбнувшись, и откусила еще кусочек рассыпчатого творожного печенья.

– Эти малышки с самого рождения начали удивлять нас, – улыбнулся Питер.

Миссис Энн была права, звезды и вправду появились на небе только этой ночью, а как вы знаете, они зажигаются, только когда на свет появляются удивительные люди. Но обо всем по порядку.

Глава 2

Знакомство

Маяк, к которому примыкал домик хранителя, был красивым и крепким сооружением. Построили его двести восемнадцать лет назад, когда к берегам графства прибило огромный двадцатитонный торговый корабль, перевозивший ткани и специи. Он повредил корпус, налетев на рифы, которыми было усеяно море в этих местах. Только несколько моряков из числа команды выжили после страшной катастрофы. Нельзя было допустить, что бы такое повторилось.

Маяк строили три года. С толстыми каменными стенами высотой около восьмидесяти футов, не слишком высокий, чтобы туман не застилал спасительный для моряков свет, он сиял свежеекрашенными боками белого цвета. Дверь внизу была добротная – дубовая, отполированная соленым ветром и дождями, с тяжелыми медными петлями и ручкой. Наверх вела каменная белая лестница с деревянными перилами, гладкими от тысячи прикосновений рук нескольких поколений хранителей. Днем освещение внутри маяка не зажигали. Три ряда окон давали достаточно света, и в погожие дни солнце причудливо озаряло его внутреннюю часть с лестницей. Свет попадал сразу с двух сторон, и лучи, пере-

плетаясь между собой, терялись в ее изгибах. Наверху находилась комната хранителя не больше четырех футов в диаметре. В ней располагались: основание лампы с поворотным механизмом, емкость для сурепного масла, стол и кресло зрителя. Там же был выход на внешнюю площадку с высокими перилами. А вот к лампе можно было попасть только через люк из комнаты хранителя. Это была святая святых, пламенное сердце маяка – огромная масляная лампа на три фитиля. Питер очень гордился и самим сооружением, и работой, которая была доверена ему пять лет назад. Для него это был не просто маяк, место работы или дом, он был для него живым существом, другом. Вместе они помогали морякам избежать опасности и благополучно вернуться домой, к родным, которые с нетерпением ждали их на берегу.

Мальчишкой он жил с родителями в прибрежном городке Эмеральд. Отец его, мистер Эдвард, был капитаном торгового судна. И конечно, Питер, как и все соседские мальчишки, мечтал о морских путешествиях и дальних странах. Убежав из дома в тринадцать лет и чуть не разбив сердце матери, он нанялся на небольшой военный корабль юнгой. Отец хоть и переживал за сына, но был очень горд тем, что вырастил настоящего маленького мужчину.

Двенадцать лет Питер бороздил моря, и романтика путешествий и новых впечатлений бурлила в нем. Он дослужился до звания мичмана и не представлял жизни без моря. Все в собственной жизни его устраивало, пока на воскрес-

ной службе, в тот редкий день, когда находился на берегу, не встретил Мэри.

Она приехала в Лайлак Хилл обучать детей грамоте, музыке и живописи, в школе при церкви. Мэри была сиротой и воспитывалась в пансионе. После его окончания переехала к единственной родственнице, старой тетушке Изабелле и прожила с ней несколько лет. Но, месяц назад тетушка покинула этот мир и Мэри осталась одна на целом свете. Она скучала по пансиону, его атмосфере и одиноко коротала дни в опустевшем доме тети.

Местный пастор был очень обеспокоен тем, что его подопечная, достаточно юных лет незамужняя девушка, живет одна. Он узнал, что у пастора Филиппа освободилось место учительницы, в школе при церкви в Лайлак Хилле, и предложил ей переехать туда. Девушка с удовольствием согласилась.

Тогда и заметил Питер красивую молоденькую учительницу.

Несколько раз он встречал Мэри в лавке бакалейщика и на местном рынке, но никак не решался завести с ней беседу, пока однажды в город не приехала ярмарка.

Он был весел и уверен в себе в тот день, выиграл несколько призов, участвуя в конкурсах, расхрабрился. И, наконец, краснея, как вечерний закат, обратился к Мэри, предложив ей попробовать яблоки в карамели. Девушка смутилась, но не отказалась, ей тоже очень нравился Питер, и она замети-

ла, что тот заглядывался на нее.

Они провели почти целый день вместе, болтали, качались на качелях и ели печеные яблоки, а вечером Мэри позволила Питеру проводить ее до дома. С тех пор парень потерял покой, светлые локоны и нежная улыбка новой знакомой не выходили у него из головы. Он теперь посещал каждую службу, только чтобы увидеть ее. Миссис Энн была счастлива, она и не подозревала, что это не религиозное рвение ведет юношу в церковь, а молодая хорошенькая Мэри.

Вскоре Питер должен был отправиться в очередное плавание и очень страдал от того, что придется расстаться с ней. В разлуке его чувства проявились еще ярче, и он принял важное для себя решение – сделать Мэри предложение руки и сердца. Через три месяца, вернувшись из плавания и посоветовавшись с родителями, получил их благословение, собрался с духом и отправился к Мэри. Он надел новую рубашку и пиджак, положил в верхний карман колечко, которое выторговал у старого пройдохи-ювелира, в лавке на рынке в жарком городе Эль-Маар. По дороге купил букет белых лилий с тонким ароматом и направился к церкви, где в небольшом домике, вместе с семьей пастора Филиппа, жила Мэри.

Все родственники девушки умерли, а Питер хотел, чтобы все было по правилам. Он решил просить руки Мэри у пастора. Подойдя к дому, постучал в дверь железным молоточком. «Наверное, слишком громко», – подумал юноша и встал по стойке смирно на крыльце. Дверь открыла жена пастора,

миссис Бриджит.

– Оу, Питер, добрый день! Что привело тебя к нам?

– Добрый день, миссис Бриджит, я хотел бы поговорить с пастором Филиппом.

– Проходи в гостиную, присаживайся, я сейчас его позову и заварю вам чаю.

Питер прошел в уютную гостиную. День был погожий, яркое солнце просвечивало сквозь шторы на окнах. Он огляделся, комната была небольшой и очень уютной. Рядом с камином стояли два кресла с высокими спинками, оббитые светло-зеленой тканью с рисунком, точно из такой же материи были сшиты шторы. В дальнем углу располагался диванчик, справа от него – круглый чайный столик из красного дерева. Перед диваном лежал ковер с мелким красивым узором. Питер хотел сесть в кресло, но, уже почти коснувшись сиденья, подскочил. Там лежала незаконченная вышивка. «По всей видимости, это будут нарциссы», – подумал он, потирая то место, куда угодила игла.

Питер обошел гостиную, стараясь не наступать на ковер, и присел на краешек дивана, предусмотрительно проверив его на наличие игл. Дверь открылась, и в комнату вошел пастор Филипп. Улыбаясь, протянул Питеру руку. Он был небольшого роста, полного телосложения, всегда находился в приподнятом настроении и любил пошутить.

– Питер, добрый день! Что привело тебя к нам? Я надеюсь, с миссис Энн и твоим бабушкой все хорошо?

Юноша нервно подскочил, не зная, куда ему деть букет. Положил его на чайный столик и, пожав руку пастору, ответил:

– О да, да, все хорошо, мои родители прекрасно себя чувствуют.

– Мне кажется, я начал догадываться, зачем ты здесь, – наклонив голову и сложив на животике руки, сказал пастор Филипп.

– Пастор, так как у вашей подопечной мисс Мэри нет родственников, я хотел бы получить ваше согласие, чтобы просить ее руки! – выпалил молодой человек на одном дыхании и, наконец, расслабился.

– Питер, вы разбиваете мне сердце, – артистично откинул голову пастор. – Мы, с Бриджит, были так рады, когда она переехала к нам. У нас, как будто, появилась еще одна старшая дочь. Наши девочки и ученицы в школе души в ней не чают. Мэри прекрасный учитель и так увлекательно преподает, что дети не хотят уходить с уроков домой. Успеваемость стала превосходной, а вы хотите забрать ее у нас. Ооо нет, нет.

В дверях гостиной появилась миссис Бриджит.

– Бриджит, ты только подумай, этот молодой человек хочет забрать у нас Мэри. Питер пришел просить ее руки, – взяв из рук жены поднос с чаем, сказал пастор.

– Ну, об этом я уже догадалась, – с понимающей улыбкой, миссис Бриджит посмотрела на юношу. – Не тебе же он принес лилии. Да и на службах стал появляться очень ча-

сто, не то что раньше. Конечно, я понимала, что Мэри ненадолго останется незамужней девушкой. Она слишком очаровательна, если здесь вообще уместно слово слишком. У нее прекрасные манеры и хорошее образование, но я не думала, что это произойдет так быстро. Что ж, Филипп, тебе придется дать ответ, – она снова улыбнулась, кивая головой и приподняв брови, посмотрела в глаза мужу.

– А ведь день так прекрасно начинался, – вздохнул пастор и после минутной паузы сказал: – Так уж и быть, я даю вам свое согласие, может быть, еще не все потеряно и Мэри пока не собирается под венец, – рассмеялся он. – Ну ладно, ладно, Питер, я пошутил, а то вы так изменились в лице, как будто случился конец света. Бриджит, позови, пожалуйста, мисс Мэри.

– Я надеюсь, вы не заберете ее слишком быстро и позволите ей еще немного поработать в школе? Ума не приложу, где мне найти нового преподавателя. Девочки очень расстроятся, трудно будет найти такого хорошего учителя.

– Пастор, Мэри будет сама решать, она, наверное, тоже не готова расстаться со своими ученицами.

Дверь тихонько открылась, и девушка вошла в комнату. Лицо ее было бледным от волнения, видимо, миссис Бриджит уже сказала ей, зачем пожаловал Питер. Пастор деликатно удалился, пряча улыбку и покашливая.

Питер врос в пол, молчание затянулось, тут он опомнился, схватил со столика букет лилий, подошел к Мэри и про-

тянул ей. Она молча взяла цветы и поднесла к лицу вдыхая прекрасный тонкий аромат. Девушка посмотрела в глаза Питеру, и он опустился перед ней на одно колено.

– Дорогая мисс Мэри, я имею смелость просить вашей руки и сердца, – сказал молодой человек и прижался губами к ее руке.

Щеки Мэри порозовели.

– Вы согласны выйти за меня замуж? – сердце Питера готово было вырваться из груди.

Мэри, ответила ему согласием, и через месяц пастор Филипп обвенчал их в церкви.

Девушка переехала в дом родителей Питера. Она продолжила работать в школе, чему Филипп был очень рад и постоянно благодарил за это молодую пару. Так прошло несколько лет.

Питер уже не рвался надолго покинуть родной край и выбирал не очень продолжительные маршруты. В одном из таких плаваний его корабль попал в очень сильный шторм. Команда с трудом справлялась со снастями. Ветром сломало грот-мачту, а Питера придавило ее осколками и повредило ноги и спину. Корабль удержали на плаву, в ближайшем порту отремонтировали судно, но Питер вернулся домой на носилках. Мэри, которая ходила встречать мужа в порт, лишилась дара речи, когда увидела его. Она самозабвенно ухаживала за ним, и через полгода Питер смог подняться на ноги. Но море теперь было для него недоступно. Он сильно огор-

чался и не понимал, как теперь будет кормить их молодую семью.

Все разрешилось неожиданным для них образом. Умер старый хранитель маяка на Седьмом Холме, и Питеру предложили переехать и занять его должность.

Место было отдаленным, но хранителю назначили очень неплохое жалование, да и работа оказалась несложной. Зажигать лампу, каждый вечер на закате, да наблюдать, чтобы она горела всю ночь чисто и ярко. Вовремя менять фитили, следить за яркостью и высотой пламени, чистотой отражателей и пополнять резервуары сурепным маслом, так как запас его в лампе был невелик. Все это нужно делать несколько раз за ночь. Кто как не Питер знал цену ошибки.

Молодых людей не пугало уединение, им вполне хватало общества друг друга. Правда, Мэри все-таки пришлось уйти из школы. Учебный год закончился и она попросила пастора Филиппа подыскать, к следующему учебному году, новую учительницу. Тот уже смирился, что Мэри все равно уволится. Пожелал им удачи и попросил каждое воскресенье приезжать на службу и навещать их с Бриджит и девочками.

Маяк находился в часе езды от Лайлак Хилл. Это было славное место среди сиреневых холмов. Весной на диких лугах зацветали колокольчики. Выглядели луга, словно гладкие лиловые озера с мелкой рябью, от пробегающего ветра. После колокольчиков наступала очередь ароматной лаванды. Зацветала она на лавандовой ферме, находящейся

рядом. Темно-лиловые полосы посаженных в ряд кустиков плавно уходили за горизонт. Они казались огромным, пушистым, сиреневым шарфом крупной вязки, который потерял великан. Дом рядом с маяком оказался чудесным. Каменный, двухэтажный, белого цвета, как и маяк, с черепичной крышей. Сзади большая терраса, с нее открывался чудесный вид на залив.

Мэри, в первый раз увидев его, полюбила всем сердцем. Именно так она представляла их с Питером жизнь здесь, в уединении на песчаном берегу изумрудного моря. На первом этаже располагались кухня, гостиная с камином и кабинет с ровными рядами книжных полок. Все предыдущие хранители любили читать и были завсегдатаями в книжной лавке мистера Бибери в Лайлак Хилле. Книги никто не забрал, и Мэри, добавив к ним свои любимые фолианты, получила достаточно большую библиотеку, чему очень радовалась. Наверху находились три небольших уютных спальни, и она надеялась, что скоро они с Питером сделают хотя бы одну из них детской.

Повернув от двери маяка налево и сделав несколько шагов в сторону моря, можно увидеть ленту песчаной тропинки, которая вела на широкий пляж. Во время отлива казалось, что это великан, который потерял наверху свой огромный шарф, как из кружки с чаем, отпивает воду из моря. Как только он делал пару глотков, морское дно обнажалось и вода терялась из вида далеко у горизонта. Можно было бесконечно идти по морскому дну, представляя, что ты в царстве Нептуна. Но море здесь очень коварное, великан, который допил свою чашечку, попросит налить ему еще. И тут уж держись, если ты зазевался! Вода так быстро возвращалась и закрывала морское дно, как будто чай из гигантского чайника наливали в кружку великана, моментально заполнив ее

до края.

Молодые супруги погрузили в повозку свои вещи, а их, надо сказать, оказалось не так уж и мало: родители Питера собрали большое приданое, а у Мэри было много книг. Запрягли Пудинга и отправились в свой новый дом.

Коня им тоже подарили родители Питера на свадьбу. На самом деле, сначала его звали не Пудинг, его звали Горацио, светлой масти, почти белый. Он оказался очень красив и, видимо, знал об этом, потому что строптивости ему было не занимать. В тот момент, когда Мэри увидела его в первый раз, она подняла брови от изумления и воскликнула:

– Прекрасен, как утренний пудинг!

Все засмеялись, а конь как будто немного оскорбился, его вполне устраивало Горацио. Но с тех пор его иначе как Пудингом никто не называл.

Муж подготовил сюрприз для Мэри. Она как-то сказала Питеру, что мечтает о фортепиано, и он нашел почти новенький инструмент в Эмеральде, в музыкальной лавке мистера Клауса. Тот был рад избавиться от него. Уже полгода жена проедала ему плешь, что приходится каждый день протирать с него пыль и оно заняло все свободное пространство в лавке. Мистер Клаус даже согласился бесплатно доставить фортепиано на маяк, как только найдет подходящую повозку и грузчиков. Питер уже и место освободил для него в гостиной, а Мэри все не понимала, почему нельзя поставить туда этажерку с фиалками. Все оказались очень довольны. Мэри

кружила Питера по двору в шутивных танцевальных па забыв про фиалки. Муж был очень рад, что так угодил жене. Плешь мистера Клауса начала обрастать волосами. И только портовые грузчики, которым пришлось затаскивать инструмент в дом, кряхтели и чертыхались на чем свет стоит, нелегкая это была работа

Так оказались молодожены в домике на маяке, чему были очень рады. Окошки и терраса, с легкой руки Мэри, расцвели пестрыми петуниями и геранью, а за сараем появился маленький огородик. Вечерами перед закатом они сидели у камина, и Питер рассказывал о своих приключениях и дальних странах, в которых Мэри никогда не была. А она читала вслух свои любимые книги и играла на фортепиано. Ночью муж дежурил на маяке. Иногда девушка тоже была там вместе с ним. Они наблюдали за звездами и наперебой угадывали их, потому что оба хорошо знали карту звездного неба. Мэри изучала ее в пансионе, а Питер учился астрономической навигации в морских походах. Днем, когда Питер высыпался после ночного дежурства, они гуляли по берегу моря, а каждое воскресенье запрягали Пудинга в повозку и отправлялись на службу пастора Филиппа и навещали родителей. Все устроилось как нельзя лучше.

Глава 3

Бабушка

Отец Питера продолжал работать капитаном на небольшую торговую компанию «Вудс». За полгода до рождения девочек он отправился в очередное плавание. Корабль должен был отплыть в многомесячное путешествие в страну прекрасных закатов Махабхарат. Мистер Эдвард собирался вернуться к рождению малыша с удивительными подарками. Они загрузили свой корабль атласом, зеркалами и гобеленами, а обратно должны были забрать ящики с отборным рисом и мешки с чаем.

Мистер Эдвард не первый раз водил судно этим курсом, погода была отличной, и попутный ветер быстро доставил их к берегам удивительной жаркой страны. Пока загружались в обратный путь товаром и продовольствием, мистер Эдвард подбирал подарки для всей семьи в лабиринтах рынка огромного, как муравейник, портового города. Каждый раз, когда он оказывался на этих торговых улочках, они не переставали его удивлять. Чего здесь только не было: парча и драгоценности, ковры ручной работы и слоновая кость, ароматные специи и множество сортов чая. Он выбрал женешаль из нежнейшей и теплой пашмины, с шелковыми кистями, ее любимого бордового цвета, а к шали подобрал серьги

с рубинами. Невестке – отрез прекрасной парчи и жемчужное ожерелье. Для сына нашел латунный компас тончайшей работы. А для малыша – семью слоников, искусно вырезанных из сандалового дерева, и удивительных кукол для театра марионеток. Выбирая погремушку из серебра со звонким колокольчиком внутри, мистер Эдвард не смог остановиться на одной, так они были удивительны, и взял две.

Через несколько дней ящики с рисом и чай были загружены на корабль, запасы воды и провианта пополнены, и капитан Эдвард взял обратный курс, уже предвкушая встречу с семьей.

Но компания «Вудс» решила привезти из Махабхарата не только рис. Один из ящиков, промаркированный так же, как и все остальные, был наполнен драгоценными камнями. Чтобы не нанимать дополнительную флотилию для охраны ценного груза, «Вудс» никому не сообщила, что находится на борту. Но трудно держать в секрете такие вещи, когда на кону огромные суммы. Весть о драгоценном ящике дошла до пиратов. На торговое судно напали в Луиданском проливе и захватили вместе с командой и капитаном. Всего один вооруженный корабль охранял его, и этого было недостаточно. Капитана пиратской флотилии звали Джитинджи, и он славился своей кровожадностью. Корабль-охранник расстреляли из пушек, а на торговом изничтожили почти всю команду и скинули за борт. Несколько выживших моряков, с корабля-охранника, спаслись на маленькой шлюпке и подобрал

троих раненых из воды, добрались до суши. Только через два месяца скитаний они вернулись в родной порт. К тому времени «Вудс» уже смирились с потерей ценного груза и поняли свою ошибку. Но родным, которые на берегу ждали возвращения своих мужчин домой, смириться с этим было невозможно. Миссис Энн и Питер много недель обивали пороги конторы «Вудс» в Эмеральде. Была организована поисковая команда, которая вскоре ни с чем возвратилась обратно.

Миссис Энн была раздавлена горем, они прожили с мужем тридцать семь долгих, счастливых лет. Было ужасно сознавать, что нет даже могилы мистера Эдварда.

Мама Питера теперь часто гостила у сына и невестки, чему те были очень рады. Супруги очень переживали, что миссис Энн осталась одна. После рождения девочек Мэри нужна была помощь, и, посоветовавшись все вместе, они решили продать дом матери в Лайлак Хилле и перевезти ее на маяк насовсем. Питер помог собрать добро. Миссис Энн очень долго не могла решить, раздавать ей вещи, оставшиеся от мужа, или нет. И все-таки у нее не хватило духа расстаться с ними, поэтому на маяк перевезли коллекцию ножей и курительных трубок, несколько просоленных кепок и одежду мистера Эдварда.

Дом очень быстро купил врач, мистер Ричард, и перевез в него жену и двоих детей, а Питер с мамой, забрав козочку Роуз, которую миссис Энн оставляла у соседей на то время,

когда гостила у сына, вернулись на маяк.

Миссис Энн к тому времени уже не представляла, как она может провести хотя бы день вдали от малышей, они стали ее смыслом жизни. Как и мечтали молодые супруги, одна из спален в доме превратилась в детскую, а третью заняла миссис Энн. Дом наполнился смехом малышей и радостью.

Глава 4

Удивительные малышки

Девочек называли Вивьен и София. Это были два маленьких очарования. Темные кудряшки, голубые мамины глаза и вздернутые носики. Похожие друг на друга как две капли воды. Девочки не расставались ни на минуту, везде находились вместе. Очень похожие внешне, они были абсолютно разными по характеру. София – спокойная и задумчивая, а Вивьен – стремительная и озорная, как сорванец. Родители и бабушка души не чаяли в девочках. Миссис Энн, как и все бабушки на свете, баловала их и покрывала все маленькие шалости. А их они придумывали великое множество.

Однажды утром, после грибного дождя, за домом поднялась огромная разноцветная радуга. Казалось, она начинается прямо на поле за маяком, где мирно щипала травку ничего не подозревающая коза.

– А что, если Роуз съест радугу. Ее молоко, наверное, станет разноцветным, – сделала предположение Вивьен.

– Хорошо бы, тогда и бабушкина каша станет утром разноцветной, – ответила София, и они попытались сдвинуть козочку с места, поближе к радуге.

– Радуга каждый день не бывает, а молоко Роуз дает каждый день, – кряхтела Вивьен, пытаясь подтолкнуть животное

сзади.

Оказалось, не так-то просто сдвинуть упертую Роуз с места.

– У нас на террасе расцвела петуния, а еще на окошках есть герань. Там синие, сиреневые, розовые и красные цветы. Давай попробуем дать их ей, может, это будет не хуже радуги и завтра каша станет сиреневой или розовой, – придумала София, которой надоело тянуть Роуз за маленькие рожки. Она опасалась, что коза, того гляди, больно наподдаст ей этими рогами.

Вивьен тоже порядком устала, и сестры решили, что легче нарвать цветов и принести козе, чем двигать ее к радуге. Они мигом оказались на террасе, и через десять минут там уже не было ни одного цветка.

Роуз оценила букет и с удовольствием съела предложенные петунию и герань, а девочки помчались к бабушке узнавать, не пора ли уже подоить козочку.

– Вы хотите свежего молока? – удивилась миссис Энн.

– Нееет, – хором ответили близнецы. – Мы хотим посмотреть, оно будет розовое или сиреневое.

– Глупенькие, оно, как обычно, будет белым, – сказала бабушка, и тут взгляд ее упал на пустые горшки за окном, в которых еще перед завтраком были цветы. – Вы что, скормили всю мамину герань Роуз? – догадалась она.

– И сиреневую петунию тоже, – гордо ответили девочки.

– Ну, выдумщицы, вот мама узнает, будут у вас красные

уши, – хохотала бабушка.

Тут Вивьен и Софии стало не до смеха, уши жалко, да и мама, наверное, расстроится. Но бабушка их не выдала. Маме сказали, что Роуз отвязалась от колышка на поле и сама забрела на террасу и съела цветы. Девочки же с нетерпением ждали, когда бабушка будет доить козочку. Но молоко в ведре под выменем оказалось обычного белого цвета.

– Пойдемте, выдумщицы, – взяв ведро с молоком, сказала миссис Энн, я сделаю вам розовое молоко. Что, у тебя есть в баночке радуга или еще осталась розовая герань? – скакали за ней вприпрыжку Вивьен и София.

– Ну, радугу я еще не собрала, и мамина герань теперь вырастет недели через две, а мисочка клубники у меня найдется, – загадочно улыбнулась бабушка. Но уже после обеда застала близнецов около шкафчика со специями. Они решали, какая из баночек больше подойдет для того, чтобы молоко стало зеленым. а мисочка клубники у меня найдется, – загадочно улыбнулась бабушка. Но уже после обеда застала близнецов около шкафчика со специями. Они решали, какая из баночек больше подойдет для того, чтобы молоко стало зеленым.

Уши у них все-таки в этот день немного горели, а Мэри еще неделю грозилась пальцем Роуз и припоминала съеденную герань.

Заветной мечтой девочек были две собаки. Вивьен хотелось терьера, а Софии нравились маленькие рыжие спание-

ли. Они упрашивали родителей купить хотя бы одну собаку, и когда папа за сараем начал мастерить деревянное ограждение, девочки подумали, что мечта скоро станет реальностью.

Собаку им пообещали только на следующий день рождения. Но, может быть, родители решили купить ее раньше? Они вновь и вновь пересматривали книгу с рисунками собак и спорили, какой же все-таки породы будет их щенок.

Но через неделю в деревянный загончик выпустили белого в черное пятнышко поросенка. Сестры были в недоумении, мечта разбилась, а книжку с собаками они поставили обратно на полку в библиотеке.

Питер и Мэри решили к Рождеству откормить поросенка, чтобы на праздничном столе было жаркое и пирог с мясом. Играть с ним сестрам запретили и называли просто – поросенок. Но если что-то запрещают, именно это больше всего и хочется сделать. И первое, что сделали близнецы, это дали ему имя.

Из-за этого вышел спор. София предлагала назвать его Пинки, а Вивьен – Хрюнки.

Устав спорить, Вивьен предложила:

– Я пойду и просто спрошу, какое имя ему больше нравится.

– Как это, спросишь? – удивилась София, и девочки направились к сараю.

Сестры остановились у загончика. Вивьен прихрюкнула, и поросенок подбежал к ним.

Девочка прихрюкнула еще раз и сказала:

– Он отвечает, что имя у него уже есть, его зовут Пиппи.

– Как ты узнала? – спросила София.

– Ну он же ответил, разве ты не слышала? – как ни в чем не бывало сказала сестра.

София покачала головой, она хотела узнать, как Пиппи ответил, но Вивьен уже тянулась к дверце загончика. Поросянку тут же завязали голубой бант, и он оказался на воле.

Команды сидеть и лежать Пиппи выполнять отказывался и постоянно норовил забраться в самую середину большой грязной лужи на дороге за сараем. Бант на его шее стал коричневым, как и подола платьев близнецов.

Девочек отмыли, поросенок был выловлен из лужи и водворен обратно в загон, и им еще раз строго-настрого запретили подходить к нему.

– Если бы он не был таким грязнулей, мы надели бы на него ошейник и поводок, я могу их сделать из старой уздечки Пудинга, – мечтала Вивьен. – Если водить его на поводке, то он быстрее научится команде «рядом».

– А если бы от него так не пахло, я могла бы его укачивать и потом класть в кроватку Мадлен.

Так звали большую куклу Софии, которую ей подарили на прошлое Рождество вместе с кроваткой и маленьким чайным сервизом.

– Может, нам его отмыть в корыте, когда бабушка будет стирать? – придумала Вивьен.

– Если сорвать маминой лимонной мяты в огороде и натереть его, то запах будет очень приятным, – обрадовалась София. Ей так хотелось покачать Пиппи на руках.

На следующее утро миссис Энн налила теплой воды в большое корыто, чтобы постирать белье, и отлучилась на десять минут на кухню. Близнецы тут как тут. Ошейник и по-

водок Вивьен сделать не успела, времени было очень мало, и они помчались за сарай вытаскивать Пиппи. Поросяенок сопротивлялся и норовил прорваться к своей любимой луже, но девочки были настроены решительно. Пучок лимонной мяты был уже приготовлен. Две пары цепких рученок зачихнули визжащего Пиппи в корыто и что есть мочи начали натирать его лимонно-мятной мочалкой.

Бабушка подоспела вовремя. Она от неожиданности даже выронила простыни, которые собиралась стирать. Пиппи был освобожден, он тут же убежал в грязную лужу на дороге и облегченно вздохнул в ней, выпустив пузыри, а девочек впору было самих отмывать.

– Вы зачем зачихнули поросенка в корыто? Посмотрите, на кого похожи.

Все платья девочек были в грязных пятнах.

– Мы думали, что, если отмыть Пиппи, нам разрешат с ним играть, – опустив голову, ответила София.

– Вы уже и имя ему придумали?

– Мы не придумывали, он мне сам сказал, что его так зовут, – покачав головой, сказала Вивьен.

– Опять выдумываете. Вы вместе с грязью чуть все пятнышки с него не оттерли.

– Бабушка, если мы не будем больше просить собаку, то, может, папа с мамой разрешат нам играть с Пиппи? – сделала предположение София. Уж очень ей хотелось уложить его в кроватьку Мадлен.

Вечером родители с бабушкой решили, что они как-нибудь обойдутся без жаркого и пирога с мясом на Рождество, и Пиппи остался жить в сарае вместе с Роуз и Пудингом.

Куст лимонной мяты был забыт после мисочки желудей, которую собрали для поросенка девочки под старым дубом. Команду «рядом» Вивьен отработывала с ним еще долго, а вот кровать Мадлен Пиппи освоил очень быстро.

Мэри замечала, что маленькая София проявляет неподдельный интерес к музыке, она очень быстро освоила фортепиано, а голос... Голос малышки был удивительным, завораживал и окутывал блаженством. Малиновки, на дереве за домом, замолкали, заслышав пение маленького ангела. Сердца всех, кто слышал это пение, наполнялись радостью и любовью. С тех пор как мама начала заниматься с ними музыкой, Софию как звонкий колокольчик, было слышно с утра до вечера, она постоянно мурлыкала песни себе под нос.

Пастор Филипп, услышав однажды, как поет девочка, попросил родителей записать ее в церковный хор. И жители соседних селений потянулись на воскресные службы отца Филиппа послушать удивительное пение. Пастор был счастлив: приход процветал, церковь – полна. Это дар, которым была щедро наделена София. Но никто еще не понимал, что вторая девочка тоже обладает удивительными способностями.

Каждое воскресенье вся семья надевала праздничную одежду и отправлялась в Лайлак Хилл на службу. Папа, который заканчивал работу на рассвете, приходил домой, зава-

ривал крепкого чая с молоком и относил на большом подносе своим любимым дамам. Сам ложился немного отдохнуть, пока они собирались, а дело это было не быстрое, шутка ли, четыре женщины. Мама и бабушка делали высокие прически и доставали свои красивые шляпки из коробок в спальнях. На девочек надевали платьица в цветочек с пышными юбочками и прикрывали их густые кудри кружевными чепцами. Когда дамы были готовы, папа запрягал Пудинга в повозку, и вся семья торжественно отправлялась на службу.

И вот однажды в солнечное воскресное утро папа отправился в сарай запрягать Пудинга, чтобы отвезти всех в Лайлак Хилл. Открыв стойло, он замер в недоумении, Пудинга в нем не было, он сбежал. Конь хоть и был строптив и не очень покладист, но такого еще не позволял себе. Папа подумал, что, наверное, с вечера он плохо закрыл задвижку на дверце стойла.

Роуз моргала, всем видом давая понять, что она добропорядочная дама в возрасте и совершенно никакого отношения не имеет ко всему происходящему.

В сарай заглянула Вивьен, одетая в свое самое красивое платье.

– Папочка, ты уже запряг Пудинга? – спросила она. Но поняв, что стойло пусто, оглянулась и, как и папа, посмотрела на Роуз. Коза проблеяла что-то, папа не успел моргнуть глазом, как девочка выбежала из сарая, крича ему на ходу, что сейчас она приведет Пудинга обратно. Отец бросился за

малышкой, но где там. Быстрые ножки Виви несли ее вниз с холма в сторону пляжа. Замешкавшийся Питер подумал, что конь сбежал в поле за сараем, и кинулся туда. Строптивного огромного коня не под силу поймать маленькой девочке, он и сам-то иногда с трудом справлялся с ним. Мама, бабушка и София вышли из дома и остановились в растерянности. Ни повозки с Пудингом, ни Питера во дворе не было. Его голос, который звал Вивьен и Пудинга, доносился с поля из-за сарая.

Вскоре ни с чем он вернулся во двор, хотел уже подняться на маяк, чтобы сверху посмотреть, куда делись Виви и Пудинг. Но тут на тропинке, которая уходила вниз на пляж, появилась голова Пудинга, а через секунду все увидели малышку Виви, которая спокойно вела коня, накинув на его шею длинный пояс от своего платица.

Все были очень удивлены, а Вивьен объяснила:

– Пудинг говорит, что, если ему в рот не будут вставлять эти ужасные железные удила, он больше не убежит и согласен везти всех хоть на край света.

Папа не поверил своим ушам, но послушался дочь. Пудинг смиренно дал накинуть на себя недоуздок, запрячь в повозку и спокойно покатыл семью по сиреневым полям в Лайлак Хилл.

– Вивьен, дорогая, – спросил папа, который не мог прийти в себя: – Как ты узнала, куда убежал Пудинг?

– Роуз меня предупредила, что он бежит на пляже.

– И ты разговаривала с Роуз и Пудингом так же, как со мной?

– Конечно! – удивилась Вивьен.

– А сейчас он о чем говорит? – спросил папа, покосившись на фыркавшего Пудинга.

– Он сейчас не говорит, он поет свою любимую песенку про колокольчики, – ответила Виви и тоже затынула: – Динь, динь, динь.

– Аааа, все понятно, – растерянно ответил папа и покосился на Мэри и миссис Энн.

Мэри пожала плечами, не зная, что ответить мужу.

У Питера, конечно, была масса сомнений, но Вивьен так уверенно и искренне говорила.

Через две недели Роуз заболела, она лежала на соломе в сарае, отказывалась есть и не выходила на улицу. Вивьен и София нарвали сочного молодого клевера и пошли проведать ее.

– Папа с мамой думают, что, может быть, она наелась дурной травы, – сказала София.

– Я сейчас спрошу, что у нее болит, если живот, то боюсь, что необходима будет клизма, – ответила Виви, когда они уже заходили в сарай.

– Кто это меня собирается лечить клизмой? – произнесла козочка слабым голосом.

– Доброе утро, Роуз, как ты себя чувствуешь? – спросила Виви. – Я подумала, что, может быть, у тебя болит живот,

ну, и клизма тогда не помешала бы.

– Не говорите ерунду, маленькая мисс, у меня воспалился ревматизм и колени горят огнем, никакой клизмы мне не нужно. Утренняя роса меня доконает, она не идет мне на пользу, я уже дама преклонного возраста. Вот если бы мне такие сапожки, как вы носите, уж я бы быстро выздоровела. Еще бабушка Энн, когда мы жили в Лайлак Хилле, советовала соседке, миссис Агате, растереть ее больные ноги камфорным спиртом. Наверное, этот камфорный спирт – хорошая вещь, миссис Энн плохого не посоветует. Хотя у миссис Агаты каждый день болело что-то новое. Дааа, еще, если сапожки были бы красного цветаааа... – мечтательно протянула коза.

– О Роуз, что же ты сразу не сказала? Мы тебя в два счета на ноги поднимем, ты у нас будешь скакать, как молоденькая козочка.

– Что ответила Роуз, Виви? – спросила ее София, ничего не понимая, но тоже выбежала за Вивьен.

– Пойдем быстрее к папе, ей нужны камфорный спирт и сапоги.

И девочки припустили к дому, где мама с бабушкой накрывали на стол. Подходило время обеда. Папа сидел в кресле в гостиной и чистил свою старую подзорную трубу.

– Папочка, папочка, нам нужно срочно съездить в Лайлак Хилл.

– Что же у нас за срочность такая?

– Роуз сказала... – но Виви не успела договорить.

– Оооо, детка, ты опять за свое, – застонал Питер.

– Да, папочка, – с деловым видом продолжила Виви. – Роуз сказала, что у нее ревмазитм какой-то и ей нужно натереть ноги камфорным спиртом, который бабушка советовала миссис Агате. А еще она хочет новые сапожки. Да, папочка, только Роуз попросила, чтобы они были непременно красного цвета, это ее сразу поставит на ноги. Она заболела от утренней росы, у нее замерзли ноги.

Тут папа вскочил со своего кресла, чуть не уронив любимую трубу, и заговорил с Мэри, как будто Виви и Софии не было рядом.

– Ну как, скажи мне на милость, она могла узнать о ревмазитме, тьфу ты, о ревматизме, да еще о камфорном спирте? Я могу понять, что они с сестрой придумали историю с красными сапогами, но спирт... Мама, скажи, пожалуйста, ты советовала, когда-нибудь миссис Агате натирать больные ноги камфорным спиртом? – спросил Питер, повернувшись к миссис Энн.

Та пару раз хлопнула ресницами, пытаясь понять, откуда девочки могли узнать о больных ногах миссис Агаты, она уже и сама-то про это забыла:

– Питер, но, но... да! Как-то я советовала Агате камфору, но как девочки об этом узнали, это же было до их рождения?

Он подошел к Виви, наклонился, взял ее за плечи и легонько потряс. Девочка недоуменно уставилась на него.

– Виви, ответь мне, пожалуйста, очень серьезно. Ты что, действительно понимаешь то, что говорят Пудинг и Роуз?

– Папочка, а разве вы их не понимаете?

– Нет, детка, никто из нас не понимает.

Виви обернулась к сестре и спросила: – И ты тоже, София?

– У-у, – покачала головой сестра.

Тут всем стало понятно, что Вивьен не меньше, чем София, одарена. Ей было дано понимать язык животных, а может, и не только животных, и отвечать им.

В воскресенье, после службы, Виви потянула родителей в лавку сапожника мистера Фергюса и в аптеку мистера Теофраста.

Папа согласился зайти в аптеку, подумав, что камфорный спирт был более безобидным по сравнению с красными сапогами для козы, а заполучив лекарство, может, девочки забудут про обувь. Семья подошла к аптечной двери. Питер со вздохом дернул на себя ручку в надежде, что она будет закрыта, но дверь открылась и колокольчик на ней громко тренькнул. Близнецы замерли посередине зала, разглядывая баночки с травами и порошками на стеклянных полках. Питер подумал: «Когда они увидят огромный изогнутый рог нарвала, подвешенный под потолком, то, скорее всего, забудут все на свете и не станут болтать лишнего при Теофрасте».

Аптекарь вышел из внутренней маленькой дверцы за прилавком.

– Добрый день, Питер, вы всей семьей, и ваши прекрасные малышки с вами! Чем я могу помочь?

Это был щуплый мужчина в пенсне, с маленькой белой бородкой, похожей на бородку Роуз.

– Дааа, – как можно беззаботней произнес Питер, – нам нужен камфорный спирт.

– А, сейчас, сейчас. У вас кто-то простудился? – аптекарь наклонился и вытащил на прилавок коричневый пузырек с притертой крышечкой.

– Папочка, чей это рог висит? – спросила София.

Питер не успел открыть рот, чтобы объяснить девочкам, кто такой нарвал, как мистер Теофраст произнес на чистом глазу: – Это рог единорога, могу предложить настойку из него, очень хорошо помогает при мигренях.

– Едидииинороогааа? – еще шире раскрыли рты девочки.

Питер быстро расплатился, засунул пузырек с камфорным спиртом в карман, взял девочек за руки и побыстрее вышел, пока они не начали рассказывать про больные ноги Роуз. Он надеялся, что единорог окончательно вытеснит из головы близнецов сапожника.

Но не тут-то было. Через пару секунд, когда повернули с торговой улицы к их повозке, Вивьен резко остановилась и спросила: – А сапогиии?

– Мы должны заказать сапожки для Роуз, – подхватила София.

Питер остановился.

– Может быть, в другой раз? – с надеждой спросил он.

– Детка, мистер Фергюс подумает, что мы всей семьей сошли с ума, – ответила мама.

Бабушка улыбнулась, подмигнула Виви и сказала: – Ну что ж поделать, нужно лечить Роуз.

Когда мистер Фергюс понял, зачем они пришли, он подавился табачным дымом из своей курительной трубки.

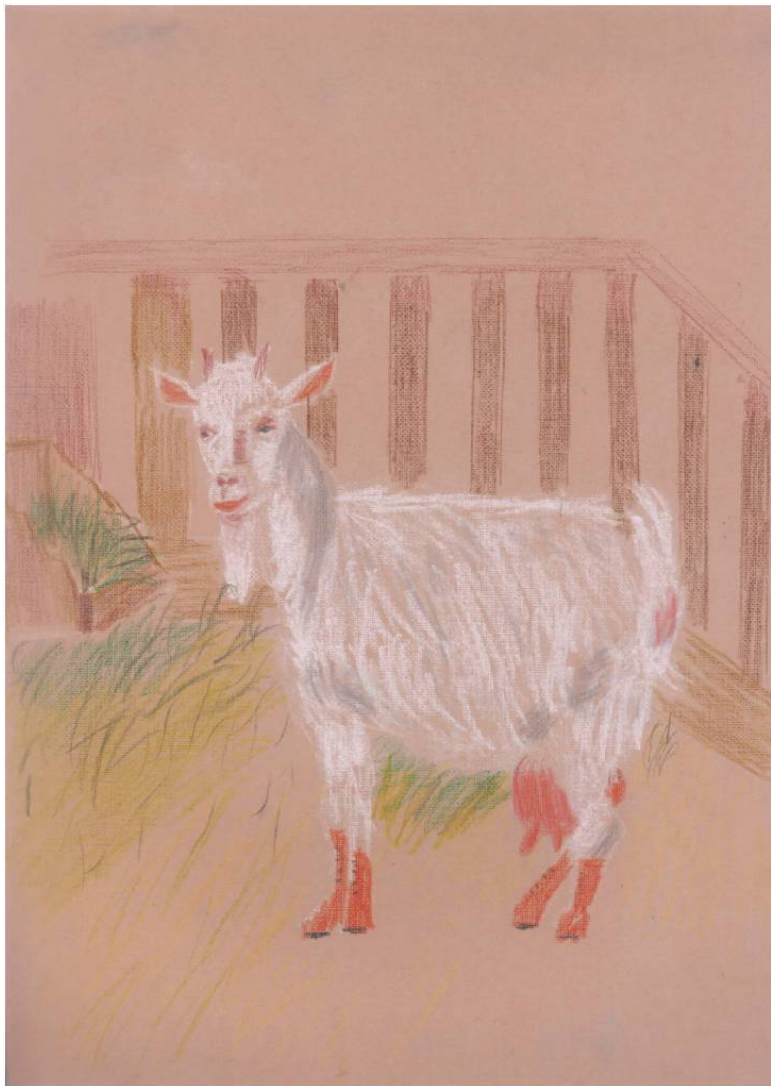
– Красные, вы говорите? Да-да, да-да. Что ж, у женщин много причуд, но такое слышу в первый раз. Хорошо, заходите на следующей неделе.

Ровно через неделю они забрали новые, красные, блестящие, маленькие сапожки со шнурочками для Роуз. Виви с Софией взяли по сапожку и, радостно подпрыгивая, вышли из лавки, поблагодарив сапожника.

– Фергюс, вы не поверите, мы сами не могли в это поверить, но Вивьен понимает животных. Она как-то общается с ними, – сказал Питер, оправдываясь.

– У вас удивительные малышки, Питер, если бы я не слышал, как поет София, я бы не поверил в то, что вы говорите. Но, видимо, они обе не такие, как мы с вами. Вам очень повезло. Ну, отправляйтесь уже лечить свою Роуз, – улыбнулся сапожник.

С тех пор Роуз щеголяла по утрам в красных сапогах. Она вышагивала по полю за домом, как на приеме у королевы. Ревматизм как рукой сняло.

Глава 5

Спасение Глории

Молва о девочках распространялась очень быстро. К Виви привозили больных животных, чтобы выяснить, как их лечить и что у них болит. Она понимала птиц, и они в большом количестве селились рядом с маяком. Стоило только обратиться к Вивьен, и им всегда была обеспечена горсть пшеницы или семечек, если они не нашли пропитания. Послушать пение Софии в церковном хоре приходило все больше и больше людей. Иногда места в церкви не хватало, и пастор Филипп открывал настежь большие двойные двери, чтобы людям на улице было слышно пение хора.

Как-то после службы они заехали на рынок купить сыра, и отец разговорился с фермером Олафом. Тот пожаловался, что его лучшая корова Глория стала давать отвратительное молоко, оно кисло в этот же день и становилось горьким как полынь.

– Я уже перепробовал все, пасу ее на лучшем пастбище с клевером, но, видимо, придется сдавать Глорию на мясо и покупать новую корову.

Подбежавшие Вивьен и София невольно услышали разговор и затараторили: – Папочка, нужно съездить к Глории, обязательно, нельзя ее на мясо. Слезы уже блестели в глазах

девочек.

– Извините, мистер Олаф, дети... – смутился Питер.

– Что вы, я буду просто счастлив, если вы заедете к нам и поговорите с Глорией. Товар я весь продал, приезжаю-то с рассветом, так что можно отправляться. Я не задержу вас надолго.

Мистер Олаф жил по дороге к маяку. Кобылу фермера, Салли, привязали сзади к повозке Питера, и она послушно тащилась за ними, опустив голову. Мужчины всю дорогу обсуждали особенности выращивания брюссельской капусты и корневого сельдерея у них в графстве, бабушка задремала, а мама читала книжку. Девочки заскучали, но, вспомнив картинку в книжке, на которой изображен паровозик с вагончиками, начали представлять, что Пудинг – паровоз, а дымящая курительная трубка фермера – это труба. Вивьен уговаривала Салли стучать копытами в такт с Пудингом, чтобы было больше похоже, что она последний вагончик, а София пыхтела, как паровой котел. Вскоре они подъехали к дому фермера. Паровоз с вагончиками сделал небольшой круг и остановился во дворе дома. София замедлила пыхтение и выдала последнее: – Чуууух.

Пухленькая миссис Марта, жена фермера, завидев такое количество гостей, выбежала из дома, на ходу снимая фартук.

– Олаф, ты даже не предупредил, хорошо, что я недавно заварила чай и булочки еще горячие.

– О милая миссис Марта, не беспокойтесь, мы совсем ненадолго, – ответила Мэри.

– Нет, нет, – начала возражать Марта, – даже и речи быть не может, чтобы я вас отпустила, не напоив чаем.

– Марта, Питер любезно согласился завезти к нам Вивьен, чтобы она поговорила с Глорией.

– Как это чудесно, мы уже отчаялись получить нормальное молоко от нее. А ведь это лучшая корова в стаде, молоко было сладким и долго некисло, что случилось, ума не приложу.

Вивьен и София, пока взрослые разговаривали, побежали в хлев.

Девочки зашли в открытую дверь, и Вивьен позвала Глорию по имени. Из второго справа стойла отозвалась красивая корова светло-бежевой масти с большим колокольчиком на шее.

– Глория, добрый день, меня зовут Вивьен, а это моя сестра София. Я приехала, чтобы узнать, что случилось с вашим молоком. Может, у вас что-то болит?

– О маленькая мисс Вивьен, какая честь! Я уже слышана о вас и вашей сестре. Спасибо большое, что посетили нас! У меня, слава богу, ничего не болит, кроме моих бедных ушей. В нашем доме появилась новая помощница, крепкая деревенская девица Барбара. И все бы ничего, она прекрасно справляется со своими обязанностями и вовремя доит нас, но у Барбары совершенно нет слуха, а она привыкла голосить

свою любимую песню как раз во время утренней дойки. Я больше не могу выносить этот голос, который похож на звук иерихонской трубы, она же не попадает ни в одну ноту.

Вивьен покачала головой.

– Виви, расскажи мне тоже, я ничего не поняла, что же случилось с Глорией?

И девочка поведала всю немудреную историю коровы.

– Я бы тоже такого не вынесла, – сказала София, и девочки побежали в дом.

Миссис Марта уже разливала по чашечкам ароматный чай, на столе были свежие булочки и жидкий, похожий на расплавленное солнце, мед.

– Мистер Олаф, ваша Глория вполне здорова, – сказала девочка, отправляя в рот целую ложку меда. – Ее молоко портится из-за ужасного пения Барбары, вашей новой помощницы, – прихлебывая чай, продолжила Вивьен.

Фермер воскликнул: – И всего то, боже мой, Марта! Я чуть не отправил на мясо свою лучшую корову из-за отвратительного пения Барбары. Сам с трудом выношу его, – повернувшись к Софии, сказал он.

На прощание София решила спеть для Глории, и та покачивалась в такт песни, блаженно прикрыв глаза и позвякивая колокольчиком на шее. Мистер Олаф, на радостях, принес в коровник граммофон и пообещал Глории самолично следить, чтобы Барбара больше не пела, и заводить перед утренней дойкой пластинки из своей большой коллекции арий.

Глория была счастлива, молоко ее с тех пор стало еще более хорошего качества, чем раньше. Да и остальные коровы не отставали от нее. Удои на ферме мистера Олафа увеличились вдвое. Теперь каждую неделю он присылал семье Питера свежайший сыр и сливочное масло.

Глава 6

Цирк мистера Вирджилиуса

Однажды в Лайлак Хилл приехала ярмарка. Обычно приезжали местные фермеры, что бы продать свои товары. Но в этот раз все было по-другому. Товары, которыми торговали в этот раз, были чужестранными, а сбоку от торговых рядов расположился передвижной цирк. Они заняли всю центральную площадь в небольшом городке. Циркачи растянули огромный шатер и поставили билетную кассу. В закрытых фургонах издавали странные звуки какие-то звери. За цирковым шатром раскинулась диковинная торговля. В маленьких лавочках продавали яркие ткани, невесомые на ощупь, ковры, ароматные специи и чай. В одной из них, даже, торговали сочными зрелыми апельсинами. На тележках возили сладости, имбирные пряники, красивые леденцы на длинных деревянных палочках и засахаренные орешки. Посередине всего этого великолепия стояла круглая карусель с лошадками.

Девочки с родителями и бабушкой, как обычно в воскресенье, приехали в Лайлак Хилл на службу пастора Филиппа. Проезжая мимо ярмарки, все семейство не могло отвести глаз от этого пестрого буйства, площадь напоминала сказочную страну.

– Мамочка, мамочка, давай хоть одним глазком посмотрим, – очнувшись, затараторили девочки.

– Служба скоро начнется, мы не можем опаздывать, – ответила Мэри.

– А после мы сходим?

Мама пообещала девочкам обязательно пойти на ярмарку. Они с папой заулыбались, вспоминая, как сами, казалось, совсем недавно ели яблоки в карамели и качались на ярмарочных качелях.

У Вивьен не выходила из головы ярмарка, она еле дождалась конца службы и первая вскочила со скамейки, по которой ерзала все это время от нетерпения.

София забывала все на свете, как только начинала петь, но сестра вернула ее на землю, напомнив, куда они собирались. Девочки потянули родителей за руки, чтобы побыстрее оказаться на площади.

Близняшкам купили по леденцу и посадили на карусель. Играла веселая музыка, лошадки двигали ногами в такт ей, и девочки представляли, что скачут по удивительной стране. Яркие краски ярмарки мелькал перед глазами калейдоскопом.

Мама с бабушкой затерялись в лавках с разноцветными отрезами тканей и шелковыми лентами. По возвращению в руках они держали несколько свертков и живо обсуждали, что будут шить.

Проходя мимо билетной кассы цирка, папа предложил: –

Ну что, теперь в цирк?

Девочки запрыгали и захлопали в ладоши, а Питер, как фокусник, достал из кармана пять билетов.

Шатер был огромным, и, разместившись на лавочках в третьем ряду, близняшки с замиранием сердца ждали начала представления. Громко заиграла музыка, и директор цирка вышел на середину арены. Выглядел он очень колоритно. В бархатном малиновом сюртуке с большими золотыми пуговицами и высоких начищенных, как зеркало, сапогах, на голове – черный цилиндр. Он подкручивал длинные усы, прохаживаясь по арене, выставляя вперед трость и дирижируя ей. Музыка замолчала, и директор начал свою пафосную приветственную речь.

– Дорогие зрители, позвольте представиться – мистер Вирджилиус! – объявил он, сняв цилиндр с головы и немного поклонившись. Рад приветствовать вас в моем цирке. Сегодня величайший день в вашей жизни, таких чудес, как у нас, вы не увидите больше нигде. Мы покажем вам акробатов и фокусников, клоунов и силачей, удивительных животных со всего света. Ииитаак...

Начиналось все очень здорово, первым номером были клоуны Клак и Кряк, два человечка очень маленького роста в ярких париках, с разукрашенными лицами. Они рассмешили весь зал до слез. Обутые в огромные ботинки клоуны играли в большой разноцветный мяч, постоянно закидывая его в зал. А потом пытались поймать рыбу в маленьком тазике длинными удочками. Чтобы удочки попали крючком в тазик, Клаку и Кряку приходилось их закидывать с края арены. Вытащив рыбу, они размахивали ей над зрителями, брызгая на них водой.

Вторым был силач Магнус. Он показал, на что способен человек, ловко подкидывая огромные гири и штанги. А потом даже поднял, на вытянутых руках, несколько взрослых мужчин, которые повисли на нем, как груши.

После Магнуса выступал фокусник мистер Плеймн. Это было волшебство. Весь зал не успевал ахать и охать, когда он распиливал огромной пилой свою помощницу и доставал из цилиндра кроликов, а в конце номера и вовсе исчез, взмах-

нув длинными полами своего шелкового черного плаща.

Девочки забыли про свои леденцы и с открытыми ртами смотрели представление. Но дальше на арену по очереди начали выводить животных: слона, обезьянок и даже двух тигров. После третьего номера Вивьен начала плакать и попросила отца увести ее из шатра. Мама и бабушка озабоченно начали подбирать свои свертки и, извиняясь перед другими зрителями, выходить вслед за отцом, уводя недовольную Софию. Остановившись в проходе, Вивьен объясняла отцу, что нельзя так мучить бедных животных.

– Они не хотят выполнять дурацкие трюки и получать удары прутов, это очень больно. Звери боятся, и им не нравятся шум и толпа, которая почему-то хлопает, когда им больно. Они хотят домой, к своим семьям.

Мистер Вирджилиус, довольный собой, стоял у края арены и удивленно спросил выходящих:

– Что случилось, наше представление вам не понравилось? Я еще никогда не встречал зрителей, которые уходили, не дождавшись конца, вы еще не видели самого интересного.

– Спасибо, – Питер криво улыбнулся, – для нас достаточно интересного.

И тут его храбрый птенчик Вивьен обратилась к самодовольному директору цирка:

– Извините, мистер Вирджилиус, но вы должны сейчас же отпустить всех животных из вашего ужасного цирка, им здесь не нравится. Почему вы бьете их прутами и держите в

клетках? Неужели вы не понимаете, что они хотят жить дома со своей семьей?

Самодовольная улыбка исчезла с лица Вирджилиуса, даже усы немного опали:

– Вы, маленькая мисс, лезете не в свое дело, видимо, ваш отец не очень хорошо вас воспитывал. Вам бы тоже не помешали несколько плеток, чтобы вы научились держать свой острый язычок за вашими маленькими зубками, – процедил директор.

Тут Питер не выдержал, он попросил миссис Энн увести Мэри и девочек, а сам что-то сказал Вирджилиусу. Когда они уходили, тот, прищутив глаза, нервно покручивал свой черный ус.

Папа увел огорченных девочек, Мэри и миссис Энн от циркового шатра подальше.

По дороге они зашли в булочную мадам Цинамон. Мэри хотелось отвлечь близнецов и поднять им настроение. Да и нужно было купить булочек с изюмом. Они у мадам Цинамон просто умопомрачительные.

В булочной стоял запах свежей выпечки, аппетит просыпался, даже если ты совсем не хотел есть, до того, как зашел внутрь. Мадам предложила им попробовать горячий шоколад.

Какао-бобами торговали в одной из ярмарочных лавочек, и продавец научил мадам Цинамон варить этот новый ароматный напиток. Вся семья присела за столик, и им подали

пять кружечек с дымящейся коричневой густой жидкостью.

Они с недоверием посмотрели в свои кружки, а мадам Цинамон, улыбаясь, сказала: – Не сомневайтесь, вы больше никогда не забудете этот вкус!

Первым глотнул Питер, все ждали его реакцию. Он замер на несколько секунд, а потом прижал руки к горлу и издал страшный хрип. Мадам Цинамон чуть не выронила из рук поднос. А Питер в следующую минуту засмеялся и с коричневыми от шоколада зубами сказал: – Это блаженство, вы точно не забудете такой вкус!

Его дамы тут же начали отхлебывать из своих чашек и замирали, издавая протяжное мычание и почмокивая. Мадам Цинамон облегченно вздохнула, засмеялась и пошла собирать им булочки с изюмом.

Питер надеялся, что шоколад вытеснит из головы малышей неприятное происшествие в цирке. Девочки, и вправду, после шоколада мадам Цинамон, повеселели и больше не вспоминали про цирк.

А вот мистер Вирджилиус еще долго не мог забыть их и все последующие дни ненавязчиво расспрашивал всех о семье Питера. И чем больше он узнавал, тем хитрее становились его черные глаза.

Глава 7

Похищение

Жизнь на маяке текла мирно и счастливо. В школу девочек не возили.

Когда твоя мама прекрасный учитель – это лишнее. Каждое утро после завтрака они втроем закрывались в библиотеке, и Мэри проводила несколько уроков. Как и девочки в церковной школе, Вивьен и София были очарованы маминими рассказами и ученье давалось им легко. После обеда они гуляли, а Пиппи, как верный пес, был всегда рядом.

Особенно ему нравилось ходить на ферму «Лаванда». Нет, большим поклонником лаванды поросенок не был, ему нравились желуди в дубовой роще рядом с полем. И пока близнецы рвали ароматные лиловые букеты для бабушки, он лакомился желудями. Хозяин фермы был не против, у него были не лавандовые поля, а казалось, целые лавандовые моря. Его большое хозяйство производило лавандовое масло, лавандовый мед, лавандовый хлеб, кремы с лавандой, лавандовые духи, лавандовые лосьоны и даже колбасу с лавандой.

Родители, как и раньше, любили гулять по пляжу, и девочки с удовольствием сопровождали их. Жизнь казалась сестрам чудесным приключением, а маяк – самым удивительным местом на свете.

Питер открывал днем маяк, чтобы почистить лампу, поднять наверх еще одну канистру сурепного масла и фитили. Девочки тут же придумывали новую игру. Маяк превращался в сказочную башню для Рапунцель или в замок чудовища с прекрасным цветком спрятанным в нем. На следующий день в нем уже почивала спящая красавица. Еще были вечера нарушения всех правил, когда папа брал их с собой на дежурство. Мама разрешала им позже лечь спать и после ужина, иногда, и сама к ним присоединялась. Они часами рассматривали звезды, и папа обучал их, как пользоваться астролябией. Это такой красивый металлический навигационный инструмент, с помощью которого отец в своих походах определял курс по положению звезд на небе. Когда ночная прохлада спускалась на маяк, они уходили с верхней площадки. Папа усаживался в свое большое кресло, мама расстилала на полу толстый шерстяной плед и устраивалась на нем вместе с девочками. Отец рассказывал им про морские путешествия и удивительные дальние страны. Ночью он отводил полусонных близняшек домой, и как только головы их касались подушек, они моментально засыпали. Им, как наяву, снились продолжения путешествий, о которых рассказывал отец, а утром воображение подсказывало новую тему для игр.

Лето в этом году выдалось прекрасным. Они отлично отметили день рождения. Мама испекла черничный торт, а папа пошутил над ними, воткнув в него свечи, которые невоз-

можно задуть. Бабушке пришлось бежать за миской с водой, чтобы потушить их. Развеселившаяся компания того гляди грозила расплавить торт и устроить пожар в доме. В подарок именинницы получили по воздушному змею, отец мастерил их ночью на маяке из куска парусины и тонких деревянных реечек. Чтобы девочки не увидели змеев раньше времени, Питер прятал их в большом сундуке, где хранились фитили для лампы. Мама им подарила по большой книге. Вивьен – «Энциклопедию редких животных», а Софии – «Историю музыкальных инструментов». Обе книги были с красочными картинками внутри. Бабушка сшила им по красивому пышному платью. Они пахли лавандой, потому что бабушка до дня рождения держала их в своем шкафу. Это был такой родной аромат.

Как-то, в конце августа, папа позвал их с собой на маяк, предстоял вечер непослушания. Девочки с радостью согласились. Они уже предвкушали волшебное время, полное удивительных рассказов. Мама убирала со стола и планировала почитать новую книгу из лавки мистера Бибери, а бабушка расположилась в своем любимом кресле в гостиной с вышивкой. Вивьен и София поднялись с отцом на маяк за светом, они хотели полюбоваться закатом.

Вечер был чудесным, тихим, по небу плыли редкие облака, которые с заходом солнца начали окрашиваться в розовый цвет. Девочки взяли с собой маленькие мольберты, и пока папа занимался лампой под колпаком маяка, они уселись

на верхней открытой площадке и рисовали море, в котором отражался закат всеми оттенками розового цвета.

Картины получились отличные, нужно только добавить несколько штрихов, но сестры решили это сделать завтра, потому что уже начинало темнеть. Папа закончил менять фитиль, зажег лампу, и они спустились в комнату хранителя. Он, как обычно, уселся в свое кресло, а девочки устроились у его ног на шерстяном пледе. Сегодня папа вспоминал истории из очень жаркой страны. Его корабль больше месяца находился в море, пока они достигли пустынных берегов.

– Воды рек этой страны мутные и хранят в себе много опасности. В них водятся крокодилы, шкура у них такая же твердая, как камень, а в огромной пасти не счесть зубов. – зловещим голосом начал Питер. Девочки рассмеялись, потому что, папа показывая вытянутыми руками размер их пасти пытался ухватить девочек за бока, – Если какие-то животные, переходя вброд реку, не заметят в воде крокодила, и замешкаются, – Продолжал папа, – Все, пиши пропало. Крокодил нападает, хватает своей огромной пастью и утаскивает на дно. Вырваться невозможно он крутится в воде со своей жертвой пока она не перестает сопротивляться.

– Еще в реках есть маленькие хищные рыбки, они могут полностью съесть большую корову.

Девочки вытаращили глаза.

– Ну ладно, ладно, не все животные такие кровожадные, попадают и очень смешные. Например, жираф. У него

длинные-предлинные ноги и длинная-предлинная шея, на которой находится мааленькая голова с мягкими рожками. Питается жираф листьями, а язык у него темный, почти черного цвета, и он может высовывать его почти на полметра, чтобы обхватить ветки с листьями.

Девочки хохотали и пытались изобразить язык длиной в полметра.

– А еще, папа, какие еще животные водятся там? – наперебой спрашивали девочки.

Питер задумался: – А вот еще – зебры. Представьте, что Пудинг стал ниже на половину холки и шире в два раза.

Девочки опять захохотали.

– Это только начало, сейчас вы лопнете от смеха, – заулыбался папа. – Шкура у них белая в черную полоску, и нет двух зебр на свете с одинаковым рисунком. На холке у них короткая, как щетка, грива, тоже в полосочку, хвост короткий, как у ослика, полосатый, с черной кисточкой на конце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.